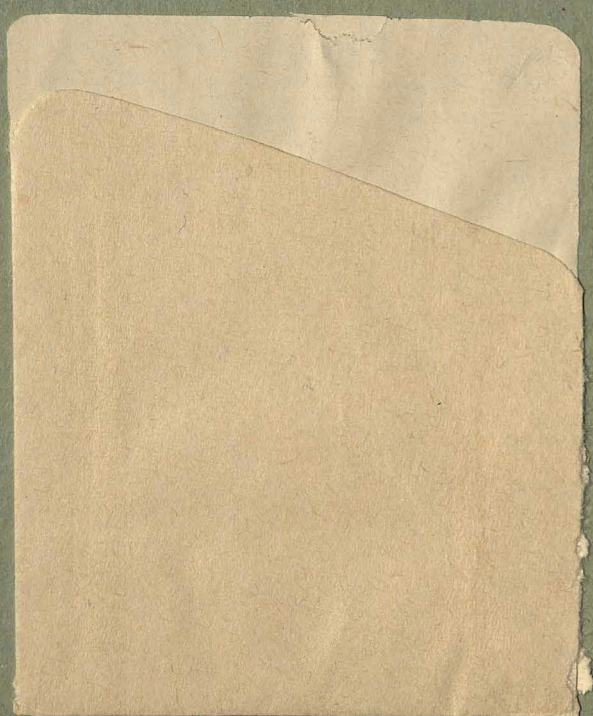

XVI $\frac{45}{10}$

1911 2.4

2-12 II-IV

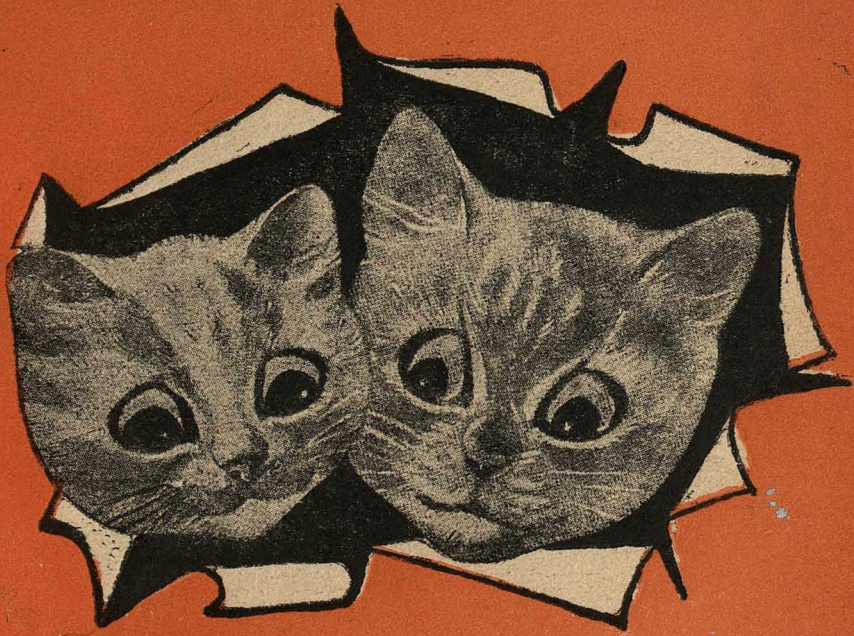
XVI $\frac{45}{10}$

Годъ изданія четвертый.

ФЕВРАЛЬ

№ 7.

1911.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

КЕНГУРУ.
ВЪ НЕНАСТЬЕ.
НАХОДКА.
ТЕПЕРЬ УЖЪ СКОРО!
НА ЧУЖБИНѢ (повѣсть).
ГОЛОВОЛОМКИ и проч.
РЕБУСЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Сиамская кибитка для склеиванія.
„Въ тепломъ гнѣздышкѣ“—
листъ 4-й.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Онѣ откинули назадъ головы, протянули другъ къ другу переднія лапки и обнялись.

К Е Н Г У Р У.

Позвольте представиться: я — Кенгуру. Я родомъ изъ далекой Австраліи, но привезена сюда такъ давно, что кое-какъ уже свыклась съ вашимъ климатомъ и привыкла къ сѣрому небу. Говорятъ, что я очень интересное животное; другого такого-же во всемъ свѣтѣ нѣтъ. И дѣйствительно, у меня длинныя заднія ноги и длинный хвостъ, такъ что я почти всегда прыгаю стоя. На заднихъ ногахъ и на хвостѣ я держусь, какъ на треножникѣ. Переднія лапки у меня очень короткія и похожи на валли человѣчьи руки. Я беру ими плоды, которыми питаюсь, чешу ими себѣ голову, когда чешется, и качаю на нихъ своихъ дѣтенышей. Но самое интересное на мнѣ—это мѣшокъ на брюхѣ. Когда я хочу, — онъ появляется у меня на животѣ, а когда въ немъ не бываетъ надобности, то я подбираю его подъ себя такъ, что отъ него остаются только двѣ-три складочки и больше ничего. Въ этомъ мѣшкѣ я воспитываю своихъ дѣтей.

Но буду продолжать о себѣ лично.

Я не помню своего ранняго дѣтства. Я начинаю сознавать себя съ тѣхъ поръ, когда я уже умѣла понимать и, сидя въ мѣшкѣ у матери, весело смотрѣла на голубое

австралійское небо, на зеленыя поля и на далекія лиловыя горы, поднимавшіяся на горизонтѣ. Эти зеленыя поля были нашей родиной. Моя мать говорила мнѣ, что кенгуру прыгали по нимъ еще тогда, когда Австралія была необитаемой и въ ней не было еще ни одного человѣка. На этой самой равнинѣ жили и питались когда-то и всѣ мои предки. На ней росла хорошая, сочная трава, на кустарникахъ росли дикія сливы и еще какія-то ягоды, какихъ здѣсь нѣтъ, и моя мать съ утра и до вечера ходила въ обществѣ трехъ или четырехъ другихъ такихъ-же кенгуру, какъ и она сама, и мирно щипала травку и ѣла эти сливы и ягоды. Мы, кенгуру, животныя травоядныя, миролюбивыя и никому не причиняемъ зла. Я помню, какъ моя мать, подойдя къ кустарнику, срывала съ него передними лапками ягоду и, покачивая ее между ладонями, чтобы она стала отъ этого мягче и слаже, несла ее къ себѣ въ ротъ. Когда же нужно было щипать траву, то приходилось передвигаться съ мѣста на мѣсто довольно хитрымъ образомъ. Мы не можемъ ходить сразу на всѣхъ четырехъ ногахъ, поэтому, чтобы двинуться съ мѣста, мы должны или прыгнуть

КНИГА ИМЕЕТ:

Листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. № вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1950 г.
4	6	1911 2-4 II-IV				5	240 588	1950 г.

508

119

119

сразу на двѣ или три сажени впередъ, или-же ползти. Моя мать ползла такъ: она упиралась ладонями переднихъ лапокъ о землю, просовывала между ними заднія ноги, подпирала себя сзади хвостомъ и ползла такъ на заднихъ ногахъ, какъ на полозьяхъ.

Я сидѣла у матери въ сумкѣ и, растопыривъ ушки, какъ зайчикъ, весело глядѣла на траву и небо. Мать срывала лапками съ кустарника сливы, брала ихъ въ губы и, низко наклоняясь ко мнѣ, перекладывала ихъ изъ своего рта въ мой. Обыкновенно такъ кормить кенгуру своихъ дѣтей.

— Хочешь посмотрѣть на новорожденнаго кенгуру? обратилась вдругъ она ко мнѣ.

— Хочу, отвѣтила я. — А каковъ этотъ новорожденный изъ себя?

— Держись крѣпче у меня въ мѣшкѣ, и я тебѣ его покажу.

Я залѣзла въ мѣшокъ по шею и моя мать запрыгала куда-то далеко. Она прыгала такъ высоко и такъ широко, что мнѣ казалось, будто я летаю по воздуху. Черезъ полчаса мы прискакали на какой-то другой неизвѣстный мнѣ лугъ, гдѣ паслись четыре кенгуру.

— Одна изъ нихъ—твоя тетка, шепнула мнѣ мать. — У нея сегодня родился маленькій дѣтенышъ. Ты сейчасъ его увидишь!

Узнавъ другъ дружку, мои тетя и мать встали на заднія ноги и

обнялись передними, далеко откинувъ назадъ свои головы. Такъ всегда привѣтствуютъ одна другую кенгуру.

— Ну, какъ? обратилась моя мать къ тетѣ.—Каковъ новорожденный? Здоровъ-ли?

Тетя похлопала ушками въ знакъ удовольствія и сдѣлала такъ, что вся сумка у нея на животѣ совершенно уничтожилась. И мы увидѣли тамъ маленькое, голенькое, слѣпое существо, съ какими-то культиками вмѣсто ногъ. Существо это присосалось къ соску матери и такъ и висѣло на немъ, какъ серьга.

На меня это зрѣлище произвело непріятное впечатлѣніе.

— Гдѣ-же у него ноги? въ удивленіи спросила я у матери.

— Ноги у него выростутъ черезъ девять недѣль, отвѣтила она. — Черезъ три мѣсяца онъ уже будетъ покрытъ шерстью и будетъ глядѣть, а черезъ восемь мѣсяцевъ онъ будетъ такъ-же выглядывать изъ материнскаго мѣшка, какъ и ты сейчасъ.

Я пристально поглядѣла на новорожденнаго.

— Должно быть онъ очень голоденъ, сказала я,—что такъ присосался къ своей матери.

— О, нѣтъ! отвѣтила мнѣ мать.— Едва только у кенгуру рождается дѣтенышъ, какъ она беретъ его зубами за спину и сама прикладываетъ его мордочкой къ соску,

находящемуся у нея внутри мѣшка. Поворожденный хватается за него ртомъ и такъ и не выпускаетъ его, пока не выростетъ вдвое больше, чѣмъ теперь.

— Смотри, онъ захлебывается, указала я матери. — Зачѣмъ онъ высасываетъ такъ много молока?

Мать и тетя переглянулись и похлопали ушками.

— Глупенькая! обратилась ко мнѣ мать. — Развѣ кенгуру умѣетъ сосать? Это единственное животное изъ всѣхъ млекопитающихся, которое не умѣетъ сосать: молоко вливается ему въ ротъ само, безъ всякаго желанія съ его стороны. Стоитъ только захотѣть этого его матери.

Мы побыли у тети около часу. Я выскочила изъ сумки матери и бѣгала и рѣзвилась по сочной травѣ. Я питалась травой уже давно, а потому мать не особенно беспокоилась, сыта я, или нѣтъ. Я отбѣжала отъ нея довольно далеко, когда до моего слуха донесли вдругъ какіе-то странные голоса. Обонянiя у насъ совсѣмъ почти нѣтъ, зрѣніе развито не особенно сильно, за то слухъ у насъ великолѣпный. Мы можемъ услышать издали малѣйшій шорохъ, какъ-бы малъ и ничтоженъ онъ ни былъ.

Мать и тетка понялись на заднія ноги, вытянули шеи и настожились. Голоса становились все слышнѣе и слышнѣе.

— Это собаки! сказала моя мать. — Здѣсь недалеко человѣкъ!

Мы всѣ очень трусливы. Мы никому не причиняемъ зла, а потому и сами не приспособлены къ сопротивленію силой. Заслышавъ собачій лай, мы страшно испугались. Мать крикнула мнѣ, я бросилась къ ней со всѣхъ ногъ, впрыгнула къ ней въ мѣшокъ и всѣ мы помчались, куда глядѣли глаза.

Въ это время мы увидали нѣсколько всадниковъ, которые мчались прямо на насъ и въ рукахъ у которыхъ сверкали ружья. Штукъ двадцать огромныхъ собакъ, нарочно приспособленныхъ къ охотѣ на насъ, бѣжали къ намъ цѣлой вереницей и я издали могла уже слышать, какой у каждой изъ нихъ былъ голосъ.

— Держись крѣпче! сказала мнѣ мать. — Я должна отъ нихъ убѣжать, иначе мы обѣ погибли.

Я поудобнѣе устроилась у нея въ мѣшкѣ и мы понеслись въ бѣшеной скачкѣ. Собаки гнались за нами по пятамъ, а моя мать дѣлала прыжки по двѣнадцати аршинъ длины и перепрыгивала черезъ высокіе кустарники, попадавшіеся ей на пути съ такою легкостью, какъ мальчикъ перепрыгиваетъ черезъ кучку соломы.

Мы бѣжали такъ болѣе двухъ часовъ, я слышала и видѣла, какъ раздался вдругъ выстрѣлъ и какъ моя бѣдная тетя повалилась мерт-

вая на землю и какъ сбѣжались къ ней люди и тутъ-же содрали съ нея ея пушистую шкуру.

— Бѣдная! прошептала я, дрожа отъ страха. — Бѣдный ея дѣтенышъ!

А моя мать между тѣмъ все бѣжала и бѣжала. Собаки слѣдовали за нею по пятамъ.

— Мнѣ тяжело, сказала она наконецъ, — мнѣ не хватаетъ больше силъ. Я не могу больше прыгать, потому что ты оттянула мнѣ животъ. Я должна остановиться и погибнуть. Но я постараюсь сперва спасти тебя.

И переведя на минуту духъ, она остановилась, оглядѣлась по сторонамъ и радостно прошептала:

— Слава Богу, близко вода. Я брошу тебя сейчасъ въ эти кусты, и чтобы отвлечь отъ тебя вниманіе собакъ, побѣгу отъ тебя въ сторону и постараюсь и сама спастись въ этой водѣ! Притаись здѣсь и сиди здѣсь такъ, точно ты умерла!

Она схватила меня за шиворотъ зубами, вытащила изъ сумки и бросила въ кусты. Собаки были отъ насъ уже совсѣмъ близко. Спрятавъ меня между двухъ камней въ высокой травѣ, она бросилась отъ меня въ сторону къ водѣ. Собаки послѣдовали за ней. Такимъ образомъ я была спасена. Прыгнувъ въ воду, моя мать стала въ ней по поясъ. Собаки тоже бросились въ воду и поплыли за

ней. Выждавъ, когда первая собака близко подплыла къ ней, моя мать схватила ее передними лапами за шею и погрузила ее въ воду. Она держала ее подъ водой до тѣхъ поръ, пока та не утонула совсѣмъ. Утопивъ такъ трехъ или четырехъ собакъ, моя мать выскочила изъ воды и помчалась далѣе, отводя отъ меня остальныхъ собакъ. Но онѣ уже настигали ее. Тогда она остановилась, стала къ нимъ задомъ и, выждавъ, когда собаки подбѣжали къ ней поближе, стала поражать ихъ своею заднею ногою.

А далѣе я уже не помню ничего. Когда я сидѣла въ кустахъ и дрожала отъ страха, какъ трава передъ вѣтромъ, около меня появился вдругъ человекъ. Онъ наклонился надо мной и взялъ меня за заднія ноги.

— Ого! сказалъ онъ. — Какая славная добыча! Мы отвеземъ ее въ Европу и продадимъ въ Зоологическій садъ!

И туго связавши мои заднія ноги ремнемъ, онъ перебросилъ меня черезъ плечо и куда-то понесъ. Я висѣла внизъ головой, кровь прилила у меня къ глазамъ, мнѣ хотѣлось пить и я въ изнеможеніи высунула языкъ. А вдаль все еще раздавался собачій лай.

„Бѣдная мать!“ подумала я и лишилась чувствъ.

Когда я пришла въ себя, то была

уже ночь. У меня по прежнему были связаны ноги, я валялась на боку и мнѣ очень хотѣлось пить. Рядомъ со мной лежало еще нѣсколько кенгуру, у которыхъ тоже были туго перевязаны ремнями ноги и которымъ тоже хотѣлось пить. Невдалекѣ отъ насъ горѣлъ костеръ и вокругъ него сидѣли люди и разбирали шкуры, содранныя съ убитыхъ ими кенгуру. Около нихъ отдыхали собаки съ такимъ видомъ, точно исполнили великое порученіе. Мнѣ было холодно и захотѣлось поскорѣе къ себѣ, въ сумку къ моей матери, гдѣ мнѣ было всегда такъ уютно и тепло.

— Мама, мама! застонала я. — Гдѣ ты? Возьми меня къ себѣ!

Но моя мать не отозвалась на мой стонъ и я снова впала въ забытье.

Затѣмъ начались мои страданія. Съ наступленіемъ утра насъ, точно телятъ, побросали въ телѣги и куда-то повезли. Свѣсивъ головы внизъ и высунувъ отъ жажды языки, мы жадно лизали желѣзные ободья у колесъ телѣги, на которой лежали. Насъ везли цѣлый день и ни разу не давали намъ попить. Къ вечеру мы прибыли въ большой городъ, гдѣ горѣли на улицахъ фонари и ходило и ѣздило взадъ и впередъ множество людей. Черезъ весь городъ насъ провезли къ гавани, гдѣ стоялъ у пристани пароходъ. Намъ въ мордочки дулъ морской вѣте-

рокъ и освѣжалъ наши затекшіе глаза.

— Слава Богу, намъ дадутъ скоро воды! сказала около меня одна кенгуру.

Насъ взвалили къ себѣ на плечи носильщики и перенесли на пароходъ. Здѣсь насъ помѣстили гдѣ-то въ глубинѣ, куда проникалъ свѣтъ только сверху. По бокамъ у насъ возвышались четыре стѣны, такъ что было похоже на то, будто насъ помѣстили въ ящикъ. Затѣмъ намъ развязали ноги и предоставили насъ самимъ себѣ. Такимъ образомъ мы оказались въ тюрьмѣ, убѣжать изъ которой никто изъ насъ не рѣшился-бы и не могъ. Приставленный къ намъ человекъ принесъ намъ охапку сѣна и корытце воды и мы стали ее жадно пить.

Потомъ раздался надъ нами свистокъ парохода, за нимъ другой и третій, что-то заскрипѣло у насъ подъ поломъ и наша тюрьма закачалась. Это пароходъ отправился въ далекій путь въ Европу.

— Прощай, родина! вздохнула моя сосѣдка. — Прощай, наша милая Австралія, наше яркое, радостное солнце!

А я въ страхѣ, дрожа всѣми членами, забила въ уголокъ, меня пугали качка и скрипъ винта подъ поломъ и мнѣ хотѣлось плакать и кричать, что люди были такъ жестоки ко мнѣ, что разлучили меня съ моей матерью навсегда.

— Прощай, мама! шептала я.— Прощай, навѣки! Больше мы уже не увидимся съ тобою никогда!

И мы закачались по волнамъ.

Проходили дни за днями, тянулись длинныя мучительныя ночи и вот наконецъ насъ привезли въ Гамбургъ и выгрузили на берегъ. Была зима, падали съ неба кусочки ваты и птичій бѣлый пухъ и вся земля была покрыта этими ватой и пушкомъ. Я стояла на берегу, дрожала отъ страха и отъ холода и глядѣла, какъ выгружали изъ парохода животныхъ. Вокругъ меня стояли страусы, утконосы, тигры, львы, леопарды, слоны, попугаи и всѣ они ревѣли и кричали отъ страха и отъ неизвѣстности будущаго. Тутъ-же, между ними, ходили содержатели звѣринцевъ, присматривались и прицѣнялись къ звѣрямъ, торговались, передавали деньги и покупали ихъ. Явился какой-то господинъ, поглядѣлъ на меня, погладилъ меня вдоль спины и сказалъ:

— А эта душка годится и для нашего Зоологическаго сада!

Меня и еще одну взрослую кенгуру посадили въ клѣтку и повезли на вокзалъ. Здѣсь насъ погрузили въ вагонъ и мы поѣхали дальше.

— Ты не знаешь, что это впереди насъ шипитъ и свиститъ?— спросила меня старшая кенгуру, когда мы остались въ вагонѣ однѣ.

Но я боялась, дрожала всѣми членами и ничего не могла ей отвѣтить.

Рано утромъ насъ привезли въ какой-то большой городъ и въ тѣхъ-же клѣткахъ перевезли въ здѣшній Зоологическій садъ. И вотъ я здѣсь.

У насъ довольно большой дворикъ, поросшій травой и при немъ, избушка, въ которой, топятъ печи чтобы было тепло. Дворикъ этотъ передѣленъ высокой желѣзной рѣшоткой на двѣ части. Въ сосѣднемъ дворикѣ не живетъ никто. Взрослая кенгуру и я поселились въ избушкѣ, выбѣгаемъ часто во дворикъ и когда свѣтитъ солнце, то мы вспоминаемъ о нашей родинѣ и начинаемъ играть. Приходятъ дѣти, которыя смотрятъ на насъ сквозь рѣшотку и намъ кажется страннымъ, что наша неволя можетъ доставлять имъ удовольствіе. Приходятъ и взрослые. На одномъ изъ нихъ въ одинъ морозный день, когда вся трава на нашемъ дворикѣ покрыта инеемъ, похожимъ на сахаръ, высыпавшійся изъ колосьевъ сахарнаго тростника, я вижу шапку и воротникъ, сшитые изъ кенгуроваго мѣха. И мнѣ становится горько, что для такой роскоши убиваютъ такихъ мирныхъ животныхъ, какъ мы, и разлучаютъ матерей и ихъ дѣтенышей навсегда.

Въ нашей избушкѣ мы прожили вдвоемъ до весны, когда вдругъ произошло событіе, котораго я, кажется, не забуду никогда. Въ одинъ изъ дней въ сосѣдній дворикъ вошелъ нашъ сторожъ, долго его подметалъ и въ другомъ отдѣ-

М о л о д е ж ь .

Цюрихское озеро въ Швейцаріи.

леніи нашей избушки постилалъ солому и раскладывалъ кормъ. Затѣмъ къ намъ подвезли фургонъ и изъ него выпустили къ намъ еще четырехъ кенгуру: двухъ въ нашъ дворикъ и двухъ въ сосѣдній. Какое-же было мое удивленіе, когда въ одной изъ новоприбывшихъ я узнала свою мать. Съ радостнымъ хрюканьемъ я подбѣжала къ ней; стала передъ нею на заднія ножки и захлопала ушками. Она сначала недовѣрчиво обнюхала меня, потомъ взяла меня въ переднія лапки и поднесла меня къ своей мордочкѣ.

Да, да! Она тоже узнала меня, потому что она тоже захрюкала отъ радости, тоже захлопала ушками, а затѣмъ прижала меня къ своей груди и быстро засунула меня къ себѣ въ мѣшокъ. Но я уже выросла за время нашей разлуки настолько, что едва могла помѣститься въ этотъ ея мѣшокъ. Моей матери было тяжело, но за то, какъ уютно почувствовала я себя около нея! Какъ мнѣ было теперь тепло отъ ея тѣла и какъ я теперь не чувствовала себя одинокой!

Но моей матери было все ново вокругъ нея, она стояла на одномъ мѣстѣ и удивленно и со страхомъ озиралась по сторонамъ. А въ это время старшая кенгуру, съ кото-

рой я прожила вмѣстѣ уже столько недѣль, узнала въ сосѣдномъ дворикѣ свою землячку. Онѣ обѣ бросились къ желѣзной рѣшоткѣ, раздѣлявшей наши дворы, и, насколько это было для нихъ возможно, встали на заднія ноги, откинули назадъ головы и, по нашему обычаю, протянули другъ къ другѣ переднія ножки и обнялись.

Нужно-ли говорить, что послѣдовало потомъ? Мы скоро всѣ подружились, сжились и наша жизнь потекла уже не такъ одиноко, какъ это было до тѣхъ поръ. Я скоро выросла, на мнѣ былъ прекрасный, пушистый голубого цвѣта мѣхъ и знатоки говорили, что ему нѣтъ цѣны. Мы прыгали, рѣзвились, но намъ было тѣсно и не по себѣ, такъ какъ мы скучали по своей далекой родинѣ и не могли ея забыть. И я часто задавала своей матери вопросъ:—За что, за какое преступленіе насъ такъ далеко завезли?

Она тоже не могла этого понять и намъ обѣимъ казалось страннымъ, что мы въ неволѣ могли представлять собою интересъ для людей, о которыхъ мы часто слышали, что они добры и умны.

Австралія, гдѣ ты?

С. Вершининъ.

ВЪ НЕНАСТЬЕ.

Вьюга въ двери къ намъ стучится
И дрожитъ нашъ ветхій домъ.
Безконечно вечеръ длится...

Кто тамъ плачетъ подъ окномъ?
Это—липы тихо стонуть,

Точно чувствуя бѣду,
Онѣ жалобно и горько

Плачутъ, бѣдныя, въ саду:

„Бѣлоснѣжными мѣхами

„Насъ одѣли холода,

„Занесла метель снѣгами

„И сковали цѣпи льда.

„Мы забыли, мы забыли

„Ласки лѣтнихъ вѣтерковъ,

„Когда веселы такъ были

„Рои пестрыхъ мотыльковъ.

„Улетаютъ дни за днями,

„Гдѣ-же солнце, гдѣ весна?

„Гдѣ залитая лучами

„Голубая глубина?

„Небеса одѣты мглою,

„Безпросвѣтны и темны,

„Только ропщутъ сосенъ хвои...

„Не дождатся намъ весны!“

А имъ воетъ злая вьюга:

— „Всѣхъ я снѣгомъ замету!“

И дрожать, склонясь другъ къ
другу,

Липы старыя въ саду.

Е. Селунская.

НАХОДКА.

Смеркалось. Улицу застилалъ первый снѣгъ; онъ падалъ цѣлый день и къ вечеру все одѣлось бѣлымъ покрываломъ. Было тихо и немного грустно. Старая, покосившаяся дверь одного изъ домовъ въ небольшомъ переулкѣ внезапно заскрипѣла и нехотя приотворилась. Въ узкую щель показалась стриженная дѣтская головка. Затѣмъ высунулась и вся фигура небольшой дѣвочки, въ старенькомъ коричневомъ, форменномъ платьѣ. Она держалась за ручку двери, и жадно

вдыхала въ себя морозный воздухъ.

— Вотъ хорошо! Снѣгъ. Первый снѣгъ!

Съ утра еще хотѣлось дѣвочкѣ выскочить на улицу, побѣгать и поиграть этой бѣлой новинкой. Но покровительница пріюта, графиня, задержала ихъ; съ утра всѣ онѣ прибирали комнаты, потомъ ждали ея приѣзда, потомъ былъ осмотръ... А теперь, когда графиня уѣхала — стало темнѣть, и гулять уже поздно... А первый

снѣгъ такой ослѣпительно чистый, такой нѣжный и мягкій...

Маруся нагнулась и дотронулась рукой до холоднаго бѣлаго слоя... И тотчасъ оглянулась назадъ, въ темную густоту корридора... Изъ комнаты доносился глухой шумъ голосовъ: то прыгали, учились и танцевали другія обитательницы пріюта—ея подруги...

Душно у нихъ въ пріютѣ... Хотя и немного ихъ, всего десять дѣвочекъ, но комнаты небольшія, низкія; въ двухъ онѣ спятъ... Потомъ столовая, потомъ комната надзирательницы, Агафьи Петровны... Вотъ и все... А здѣсь на улицѣ такъ прохладно, тихо, такъ свободно, никого нѣтъ!

Маруся стояла на крыльцѣ и не могла уйти. Картины прежней, хоть и бѣдной, но свободной жизни въ родительскомъ домѣ одна за другой замелькали въ ея воображеніи... Печальные глаза недѣтскимъ взоромъ глядѣли вверхъ на пасмурное облачное небо и какъ-будто силились тамъ что-то увидѣть. На душѣ было одиноко...

— Иванова! Иванова! Маруся!— вдругъ услышала она позади себя глухіе крики.—Иди. Агафья Петровна зоветъ!

Маруся глотнула въ себя чистый воздухъ и собралась бѣжать, какъ вдругъ взглядъ ея упалъ на мостовую... Прямо противъ оконъ пріюта, почти занесенное снѣгомъ, лежало что-то неясное и темное... Дѣвочка

шагнула, нагнулась и подняла предметъ... Это оказался небольшой кошелекъ.

— Деньги! проговорила Маруся, и оглянулась по сторонамъ.—

Деньги! То, изъ-за чего такъ много трудится ея мать, изъ-за чего и она живетъ здѣсь въ пріютѣ, на счетъ богатой графини, изъ-за чего такъ много лишеній видѣла она въ дѣтствѣ. И вотъ теперь этотъ волшебный предметъ, дающій и домъ, и пищу, и счастье — у нея въ рукахъ...

Теперь она пошлетъ эти деньги своей матери, въ далекій, занесенный снѣгомъ городокъ... Нѣтъ, она сама поѣдетъ; она скажетъ мамѣ:— „Теперь, мы заживемъ вмѣстѣ иной счастливой жизнью“...

Маруся стояла на крыльцѣ, сжимала въ рукѣ кошелекъ; а снѣгъ все падалъ и падалъ, ровно, беззвучно, въ воздухѣ было тихо и въ маленькій переулочекъ едва доходила жизнь большого и шумнаго города.

— Иванова! уже громко кричали въ комнатахъ. Гдѣ Иванова?

Маруся засунула свою находку подъ лифчикъ и стремглавъ понеслась по длинному темному корридору.

Ночь. Въ окна пріюта, смотритъ съ неба мутный неясный мѣсяцъ. Снѣгъ все еще падаетъ... Маруся не спитъ. Она лежитъ неподвижно въ кроваткѣ и сжимаетъ подъ подушкой завѣтный кошелекъ... Всѣ

спять... Все кровати, и спереди, и сзади; а за перегородкой спитъ сама Агафья Петровна. Всѣхъ ихъ согнала и соединила здѣсь бѣдность; всѣхъ ихъ поить и кормить благодѣтельница-графиня. А родныя семьи у всѣхъ далеко, по деревнямъ и разнымъ городкамъ.

— „Сейчасъ посмотрю, сколько денегъ“, думаетъ Маруся.— „Теперь свѣтло, мѣсяцъ свѣтитъ; и безъ огня сочту. Не увидалъ-бы кто... Особенно Агафья Петровна; тотчасъ отберетъ“...

Маруся осторожно приподнялась, стараясь не заскрипѣть кроваткой, и, затаивъ дыханіе, посмотрѣла въ лицо рядомъ спящей дѣвочки.

„Спать“,—прошептала она...

И, ступая босыми ногами по холодному крашеному полу, она подошла къ другимъ кроватямъ... Всѣ спали, крѣпко.

Маруся рѣшилась. Быстро вернулась она къ своей кровати, вынула кошелекъ и раскрыла его. Мягко зазвенѣли золотыя монеты, и тихо зашуршали бумажки... Выпало еще что-то, круглое, тяжелое, золотое...

— „Не часы и не деньги“, — подумала съ недоумѣніемъ Маруся и еще шире раскрыла кошелекъ.

Запахъ духовъ пронесся по комнатѣ... Никогда не видѣла Маруся этого кошелька раньше, но запахъ этотъ она гдѣ-то слышала... Она запомнила его...

Осторожно принялась дѣвочка считать деньги: долго она разсматривала золотые, вертѣла ихъ въ рукахъ... Наконецъ сочла и чуть не засмѣялась.

— Семьдесятъ пять рублей, прошептала она. — Вотъ теперь моя мама будетъ довольна!

Она вообразила себѣ, какъ обрадуется ея мать находкѣ, и долго еще сидѣла на кровати и считала деньги.

Во снѣ громко застонала и заговорила ея сосѣдка.... Маруся вздрогнула и испуганными глазами оглянулась кругомъ. Затѣмъ она торопливо сгребла золото и сунула его въ кошелекъ.

— Завтра мамѣ отправлю, подумала она. — Мама получить и придетъ за мной сюда. И больше я не буду жить въ этомъ пріютѣ...

Блѣдный мѣсяцъ, разорвавъ тучи, ясно взглянулъ въ лицо Марусѣ. Она перекрестилась, спрятала кошелекъ подъ подушку и тотчасъ-же заснула.

Неспокойно было въ эту блѣдную ночь въ домѣ графини. Сердигая и молчаливая, въ дорогомъ тепломъ капотѣ, она ходила взадъ и впередъ по богато убраннымъ комнатамъ своего большого дома. Она ходила и съ напряженіемъ думала, гдѣ она могла потерять свой кошелекъ? Какъ онъ могъ выпасть у нея изъ кармана? Въ этотъ день она была во многихъ мѣстахъ; и когда именно она до-

ставала его въ послѣдній разъ она никакъ не могла припомнить.

Дойдя чуть не въ десятый разъ до своей спальни—она опустилась въ кресло и позвонила.

Вошла заплаканная горничная.

— Нѣтъ? спросила у нея графиня.— Не нашли еще?

— Нигдѣ нѣтъ, — отвѣчала Настя. — Степанъ вездѣ искалъ...— Видно, говоритъ, на улицѣ барыня его обронила.

Лицо графини покраснѣло отъ гнѣва.

— Степанъ говоритъ...— сказала она сердито.— Гдѣ же я могла его на улицѣ потерять? Я, вѣдь, пѣшкомъ не хожу, кошелекъ навѣрно остался въ саяхъ. Пусть онъ поищетъ! Слышишь? Иди!

И графиня снова погрузилась въ раздумье.

„Какъ это ужасно! думала она. „Единственно, что привязывало еще меня жизни, это портретъ моего сына покойнаго, и онъ-то и потерялся вмѣстѣ съ кошелькомъ... Не въ деньгахъ дѣло. Жаль медальона. Нынче только съ шеи его сняла и положила его въ кошелекъ... Цѣпочка порвалась“.

И она положила голову на локти и залилась горячими слезами.

— Что теперь дѣлать? шептала въ часъ ночи Настя старому кучеру Степану.— Что дѣлать? Разочтеть она насъ, непременно разочтеть.

— Разочтеть—не бѣда, угрюмо

отвѣтилъ старый кучеръ.—А вотъ рекомендаціи не дасть, а безъ рекомендаціи нынче хорошаго мѣста не получишь. Пропадемъ мы оба съ тобой безъ мѣста!

А графиня всю ночь просидѣла въ своей спальнѣ и плакала. Губы ея тихо шептали:

— Сержъ. Мой милый сыночек! Вѣдь это былъ твой единственный портретъ! Я носила его на груди вотъ уже двадцать лѣтъ и вотъ сегодня потеряла!..

На слѣдующій день слухъ о графской пропажѣ рано дошелъ и до маленькаго пріюта. На разсвѣтѣ прибѣгалъ кучеръ узнать, не здѣсь ли оставила старая госпожа свой кошелекъ?

Дѣвочки съ интересомъ и волненіемъ передавали другъ другу новость и слово „медальонъ“ переходило изъ устъ въ уста. Маруся сидѣла, затаивъ дыханіе, и слушала, боясь проронить единое слово.

— Такъ вотъ чей кошелекъ попался ей! Недаромъ она узнала духи. Этотъ кошелекъ принадлежалъ графинѣ.

— Да не въ деньгахъ-то тутъ дѣло,—продолжала Агафья Петровна.—Что, у нея денегъ нѣтъ, что-ли? Медальонъ пропалъ, а въ немъ покойнаго ея сыночка портретъ... Такъ вотъ все изъ-за этого портрета. Ничего, говоритъ, мнѣ кромѣ этого портрета не нужно. Единственный былъ похожій. Двадцать

лѣтъ съ шеи не снимала. А сама такъ и разливается — все плачетъ.

Маруся задрожала...

— „Медальонъ“ подумала она. „Такъ вотъ этотъ таинственный предметъ, который она чуть было не приняла за часы!“

Теперь бѣдная графиня плачетъ... Она — такая, богатая и важная, плачетъ о сынѣ... А онѣ-то, дѣвочки, всегда завидовали ей!.. Онѣ думали, что у богатыхъ и слезъ никогда не бываетъ. И острая жалость къ богатой старухѣ стрѣлой пронзила сердце маленькой Маруси. Ей тоже захотѣлось плакать.

Какая-то волна подступила вдругъ ей къ горлу.

— Кошелекъ у меня! захотѣлось ей вдругъ крикнуть на весь домъ и однимъ этимъ словомъ вернуть миръ въ душу обездоленной, осиротѣвшей графини... Но у нея это не вышло, она не сказала ничего и сердце ея билось и во рту пересохло и щеки горѣли.

Въ эту ночь она заснула съ трудомъ. Сонъ ея былъ тревожный, полный сновидѣній.

Ей снилось, что около нея стояла ея мама, блѣдная и печальная, и отталкивала худыми руками толстый старый кошелекъ.

— Не нужно мнѣ чужихъ денегъ... шептала она въ тоскѣ... — Не нужно... Чьи это деньги? Чей это портретъ? Откуда? Не хочу я ихъ, не хочу!..

Въ холодномъ поту проснулась Маруся, и сунула руку подъ подушку... Доставъ изъ-подъ нея кошелекъ, она спрыгнула съ кровати и босыми ногами зашлепала по холодному полу въ комнату къ Агафѣй Петровнѣ. Она разбудила спавшую надзирательницу. И долго сидѣли онѣ вдвоемъ на постели и обсуждали, какъ имъ поступить. Было рѣшено, что Маруся завтра вмѣстѣ съ Агафѣей Петровной пойдетъ къ графинѣ сама и передастъ ей свою находку.

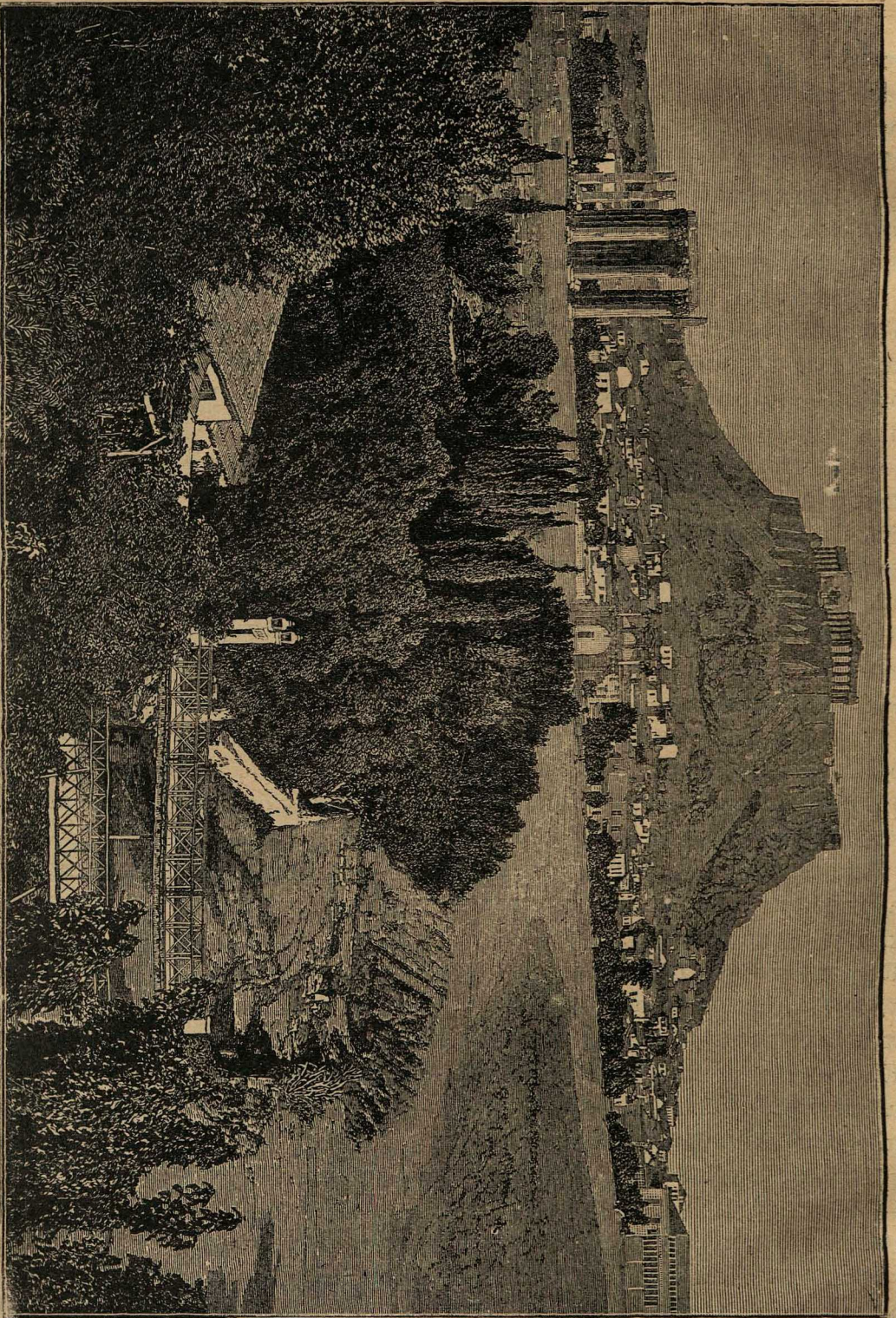
Графиня только что очнулась послѣ длинной безсонной ночи. Она глубоко вздохнула и по привычкѣ протянула руку къ груди, чтобы заглянуть въ медальонъ... И отдернула...

Вотъ ужъ двадцать лѣтъ, какъ она вдовѣтъ, бездѣтная и одинокая, и каждое утро повторяетъ это движеніе. Просыпаясь, она достаётъ медальонъ съ шеи и, надавивъ пружинку, открываетъ его... Оттуда смотреть на нее ея ненаглядный, такъ рано умершій ея сыночекъ... Сначала она долго плакала надъ нимъ, затѣмъ глядѣла съ нѣмой тоской; послѣдніе годы портретъ не причинялъ ей ни слезъ, ни горя но привычка вошла въ душу и каждое утро первая мысль графини принадлежала сыну.

И вдругъ—ничего нѣтъ.

Она вздохнула еще разъ и позвонила Настѣ.

Развалины Древнихъ Азия въ Греціи.

К у - к у!

— Все еще нѣтъ? спросила она у нея.

— Не нашли... глухимъ голосомъ отвѣчала Настя.

Графиня залилась горячими слезами.

— Къ вамъ тамъ изъ пріюта пришли. Экономка съ дѣвочкой. Давно дожидаются. Прикажете вести?

Графиня задумчиво поглядѣла передъ собой.

— Изъ пріюта? Экономка? отвѣтила она.—Ну, что жъ, зови ее сюда!.. Дай капоть и туфли... Я встану... Вѣрно нужно что-нибудь. Зови!

Въ спальню вошли Агафья Петровна и Маруся... Дѣвочка подошла къ графинѣ и робко и виновато подала ей кошелекъ.

— Я нашла его на улицѣ,— едва слышно произнесла она...—Я ничего не брала... Вотъ онъ...

Старая графиня порывисто схватила кошелекъ, быстро раскрыла его и вынула изъ него завѣтный медальонъ.

Затѣмъ она положила его на столъ и протянула руки къ дѣвочкѣ.

— Дитя мое, воскликнула она.— Милое мое дитя! Пожалѣла ты меня бѣдную одинокую старуху. Спасибо тебѣ! У тебя еще много

жизни впереди, а у меня только и осталось въ жизни, что этотъ одинъ портретъ. Спасибо тебѣ, моя крошка. Благодарю!..

Испуганными, большими глазами Маруся смотрѣла на плакавшую графиню и не вѣрила своимъ глазамъ.

— „И чего мы такъ боялись ее?“ думала она. „И лицо у нея простое и доброе... „И вовсе не счастливая она!.. А въ домѣ у нея даже грустно и скучно... У насъ въ пріютѣ куда лучше и веселѣе“...

И довольная, что возвратила графинѣ кошелекъ, она побрела съ Агафьей Петровной къ себѣ обратнo въ пріютъ.

Въ тотъ же день графиня достала изъ стола нѣсколько сторублевыхъ бумажекъ и послала ихъ матери Маруси. Она сама отвезла ихъ на почту, сама сдала ихъ тамъ и подписала на переводѣ: „Отъ неизвѣстной“.

Марусина мать получила эти деньги, взяла къ себѣ изъ пріюта свою дочь и долго не могла успокоиться и ломала себѣ голову, стараясь догадаться, кто-бы могъ прислать ей такую крупную сумму. А Маруся знала, въ чемъ дѣло, знала, кѣмъ были присланы эти деньги, и искренно радовалась за мать.

Евгенія Панова,

ТЕПЕРЬ УЖЪ СКОРО!

Теперь ужъ скоро! Мартъ настанеть,	И возвратясь въ свои скворени, решни,
Грачи къ намъ съ юга прилетятъ, Растаетъ снѣгъ, тепломъ потянетъ И новый приметъ все нарядъ.	Скворцы повсюду запоютъ, Загѣмъ начнутъ цвѣсти черешни, И вишни буйно зацвѣтутъ.

Въ лѣсу, на сухенькомъ мѣстечкѣ, Подснѣжникъ первый зацвѣтетъ, И, широко разлившись, рѣчка Вновь въ берега свои войдетъ,	Потомъ заквакаютъ лягушки, И зажжужитъ въ цвѣтахъ пчела... И вдругъ раздастся крикъ кукушки: — „Ку-ку! Ку-ку! Весна пришла!“
---	---

И такъ на сердцѣ станетъ ясно,
Такъ вдругъ захочется туда,
Гдѣ лѣсъ, цвѣты, гдѣ все прекрасно
И гдѣ въ поляхъ мычатъ стада.

Кузнечикъ.

НА ЧУЖБИНѢ.

(Продолженіе).

На слѣдующій день къ Сонѣ и Борѣ пришелъ съ утра Одея. Было воскресенье, свѣтило радостное солнце, звонили колокола, пахло густымъ запахомъ сирени, летали ласточки и Соню вдругъ властно и неумолимо, потянуло въ деревню. И ей показалось страннымъ, что потянуло ее не въ Крымъ, гдѣ протекло ея раннее дѣтство, а именно туда, въ далекую усадьбу, гдѣ въ первыя недѣли она чувствовала себя такъ безнадежно одинокой и какъ въ ссылке. Тамъ у нея было свое хозяйство, свой огородъ, свои куры и все приобрѣло для нея какой-то новый интересъ. Она уже тосковала по большому запущенному паркѣ, въ вершинахъ котораго весело щебетали птицы, по милой, струистой рѣчкѣ, въ которой по вечерамъ шумно плескались

рыбы, и по широкимъ, раздольнымъ полямъ, по которымъ она бѣгала, какъ у себя дома, и на которыхъ росла изумрудная, начавшая уже колоситься, рожь и низко склонялась передъ ней отъ набѣгавшаго вѣтерка. Она вспомнила свою дачу въ Крыму, гдѣ все было такъ прекрасно, гдѣ виднѣлись очаровательныя голубыя горы и плескалось безбрежное синее море, но все это представлялось ей теперь красивой картиной, на которую было приятно глядѣть, но которая теперь мало говорила ея душѣ.

— Поскорѣй-бы приѣзжалъ изъ Москвы дядя, сказала она Борѣ, мечтательно глядя на пушистыя облака. — Хочется домой.

— Да, отвѣтилъ и Боря. — Здѣсь тоже хорошо, только... надоѣло!

Оедея прислушивался къ ихъ разговору, къ ихъ мечтамъ о томъ, какъ они проведутъ лѣто, какъ будутъ ковыряться въ огородѣ, ѣздить верхомъ и бѣгать по парку и по лѣсамъ, и ему тоже захотѣлось къ нимъ. Онъ спрашивалъ ихъ объ ихъ усадьбѣ, о лошадакахъ и, слушая ихъ, глядѣлъ, не мигая, въ пространство и старался вообразить себѣ хоть сотую долю того, что они ему говорили.

— Вотъ-бы намъ съ Валею поѣхать къ вамъ! — искренно воскликнулъ онъ и засмѣялся.

Соня и Боря переглянулись между собою.

— А знаешь? — отвѣтила Соня. —

Мы попросимъ нашего дядю и онъ возьметъ и васъ съ собой! Вы проведете у насъ цѣлое лѣто и мы будемъ вмѣстѣ бѣгать и играть.

Оедея грустно опустилъ глаза.

— А какъ-же мои мама и папа? — спросилъ онъ.

Но у Бори уже былъ готовъ отвѣтъ.

— Ну, что-жъ? — воскликнулъ онъ. — Мы возьмемъ и ихъ съ собой!

Затѣмъ они стали бѣгать по саду, играли въ мячъ и въ крокетъ и когда вдругъ вышла на крыльцо Авдотья Семеновна и пригласила ихъ обѣдать по провинціальному обычаю въ два часа дня, то имъ показалось, что время пролетѣло такъ быстро и незамѣтно, точно съ утра прошло всего только пять минутъ.

Послѣ обѣда пришла отъ дяди изъ Москвы телеграмма. Онъ сообщалъ, что приѣдетъ сегодня въ шесть часовъ вечера. Всѣ обрадовались, засуетились и рѣшили ѣхать на вокзалъ его встрѣчать. Но Борѣ было такъ весело съ Оедей, что онъ поморщился, когда пришло время ѣхать на вокзалъ, и его оставили дома. Иванъ Игнатьевичъ и Соня сѣли на извозчика и, дребезжа пролеткой и гремя на весь городъ колесами по мостовой, отправились встрѣчать Григорія Петровича.

Черезъ полчаса послѣ ихъ отъѣзда мама прислала за Оедей. Пришла какая-то старушка, которую

Оедя называлъ няней. Она взяла его за руку, онъ простился съ Борей и они пѣшкомъ отправились домой.

— Ты-же скажи своей мамѣ,— крикнулъ ему вслѣдъ Боря,— чтобы она отпустила тебя къ намъ на лѣто!

— Хорошо, скажу! — отвѣтилъ ему Оедя.

И они повернули за уголъ и исчезли изъ глазъ.

Возвратились Григорій Петровичъ, Соня и Иванъ Игнатьевичъ съ вокзала. Всю дорогу Соня щебетала, какъ ласточка, рассказывая дядѣ о путешествіи по Волгѣ и о знакомствѣ съ семьей Надежды Сергѣевны. Тутъ-же, на извожикѣ, она стала спрашивать его, чтобы онъ пригласилъ ихъ всѣхъ къ себѣ. Дядя слушалъ ее, улыбался и никакъ не могъ наглядѣться на ея лицо: такъ она была похожа на его покойную дочь.

— Ну, что-же, дядя, пригласишь? — спросила она его, когда они подъѣзжали уже къ дому.

— Приглашу, приглашу! — отвѣтилъ онъ ей, чтобы только отдѣлаться отъ ея просьбъ. — Развѣ я могу не исполнить того, о чемъ ты меня просишь?

Она бросилась къ нему на шею и крѣпко его обняла.

Тѣмъ временемъ извожикъ остановился у воротъ. Соня спрыгнула съ него первая и побѣжала впередъ.

— Дядя пріѣхалъ! — закричала

она.—Боря, гдѣ ты? Иди встрѣчать папу!

Боря выбѣжалъ изъ комнаты и, не помня себя, опрометью бросился за ворота.

— А гдѣ-же Оедя? обратилась къ нему Соня, когда онъ вмѣстѣ съ отцомъ возвратился снова въ комнаты.

— Онъ ушелъ, отвѣтилъ Боря.— За нимъ приходила его няня и увела его домой. Такая славненькая, невысокая старушка!

Агаша тоже была славненькая, невысокая старушка, Соня вспомнила о ней и задумчиво спросила:

— А какъ ее зовутъ?

— Не знаю!.. отвѣтилъ Боря и сталъ распаковывать отцовскій багажъ.

Григорій Петровичъ сообщилъ своимъ домашнимъ, что ему удалось покончить уже всѣ свои дѣла, что придется задержаться развѣ только здѣсь, въ Ярославлѣ, на три—четыре дня и что въ концѣ недѣли, вѣроятно уже въ четвергъ или въ пятницу, они всѣ отправятся къ себѣ домой въ усадьбу. Соня торжествовала; скоро она увидитъ поля, лѣса и старинный паркъ и скоро опять примется за дѣла. А тамъ наступитъ августъ и она снова пріѣдетъ въ Ярославль и будетъ каждый день бѣгать въ гимназію и мечтать о веснѣ.

Возвратившись домой, Оедя передалъ своей мамѣ обо всемъ, что говорили ему Соня и Боря. На-

дежда Сергѣевна подумала и сказала:

— Конечно, это было-бы для насъ очень хорошо. Въ Крымѣ ѣхать далеко, а на дачу подъ городомъ — не стоитъ. То-ли дѣло въ чью-нибудь помѣщичью усадьбу! Но развѣ усадьбу скоро найдешь?

Она не придавала большого значенія словамъ Оеди и потому не сочла нужнымъ продолжать объ этомъ разговоръ.

На слѣдующій день Валю вывели на воздухъ. Слабенькая, блѣдная, она еле держалась на ногахъ. Побродивъ немного, она сѣла на лавочку въ саду и ужъ больше не вставала. Только къ вечеру она почувствовала себя въ силахъ и стала робко и неувѣренно бѣгать съ Оедей по двору и по саду. Теперь Оедя былъ уже не одинокъ. Онъ все время проводилъ около сестры, бѣгалъ съ ней, игралъ съ нею въ куклы, а няня—Агаша сидѣла въ сторонкѣ, въ тѣни, вязала безконечный чулокъ и въ который разъ уже задавала себѣ вопросъ, на который никакъ не могла отвѣтить: кто это два раза окликнулъ ее тогда, когда она ѣхала въ каретѣ вмѣстѣ съ Валей?

Этотъ вопросъ не давалъ ей покоя, она вспоминала о встрѣчѣ съ Соней на пристани, когда подошелъ пароходъ, знала, что ошиблась, но ей казалось, что это окликала ее именно она, ея Соня, которая уѣхала куда-то далеко

и съ тѣхъ поръ была неизвѣстно гдѣ.

А что если это дѣйствительно была она?

И старушка улыбалась отъ радости и въ то-же время крестилась большимъ крестомъ, боясь, что это было навожденіе.

Насталъ четвергъ. За всѣ эти четыре дня Оедя ниразу не побѣгалъ къ Сонѣ и Борѣ, все время проводя около сестры, а они не ходили къ нему и къ Валѣ, выжидая, когда пройдетъ недѣля, о которой наказывала имъ Авдотья Семеновна. А дѣмъ временемъ дядя Григорій Петровичъ засбирался домой. Отъѣздъ въ усадьбу былъ назначенъ на пятницу и дѣти радовались, укладывали вещи, мечтали о предстоящей поѣздкѣ и въ то-же время волновались, что имъ такъ и не удалось повидаться съ Валей и Оедей и устроить такъ, чтобы и они поѣхали къ нимъ на лѣто въ усадьбу. Была послана телеграмма слѣпой Ольгѣ Ивановнѣ чтобы она выслала къ такому-то часу въ Угличъ лошадей и ожидала пріѣзда въ усадьбу новыхъ гимназиста и гимназистки въ субботу около двухъ часовъ дня. Для такого случая Борѣ было разрѣшено надѣть форменную фуражку, чтобы всѣ видѣли, что онъ теперь гимназистъ.

Весь четвергъ Авдотья Семеновна пекла для отъѣзжающихъ пирожки и котлеты и собирала

ихъ въ путь. Соня укладывала въ чемоданы бѣлье и костюмы. Боря толкался отъ одного узла къ другому и всѣмъ мѣшалъ. Иванъ Игнатъичъ бережно увязывалъ купленные имъ книги и журналы, а Григорій Петровичъ все время что-то писалъ и складывалъ въ портфель. Затѣмъ, около пяти часовъ вечера, онъ взялъ палку, шляпу и пальто и весело кликнулъ къ себѣ дѣтей.

— Соня! Боря! Пойдемте! сказалъ онъ.—Я хочу вамъ кое-что показать!

Дѣти одѣлись и пошли съ Григоріемъ Петровичемъ. Въмѣсто того, чтобы пойти съ ними на бульваръ, онъ повелъ ихъ куда-то влѣво, гдѣ не было уже мостовыхъ и гдѣ тянулись заборы, росли большія деревья и изъ-за нихъ, выглядывали ласково старыя помѣщичьи дома. Дойдя до одного изъ нихъ, всего заросшаго сиренью, бывшей въ полномъ цвѣту, сзади котораго тянулся безконечный вѣковой садъ, дядя остановился у калитки и позвонилъ. Раздался лай собаки, кто-то закашлялъ по ту сторону забора и скоро какой-то сѣденькій старичекъ отперъ имъ калитку. Увидавъ Григорія Петровича, старичокъ низко поклонился ему и почтительно сказалъ: — Здравствуйте, батюшка, баринъ! Пожалуйте! Мы поджидаемъ васъ уже давно!

Григорій Петровичъ и дѣти во-

шли во дворъ. Широкій, чистый поросшій травой, онъ былъ окруженъ всевозможными дворовыми постройками, а позади нихъ возвышались могучія вѣковыя деревья на которыхъ кричали и суетились грачи. Перейдя черезъ дворъ, Григорій Петровичъ провелъ дѣтей прямо въ садъ. Большія липовыя аллеи тянулись направо и налево и терялись гдѣ-то въ глубинѣ.

— Вотъ хорошо-бы здѣсь побѣгать! воскликнулъ Боря.

Изъ сада они прошли прямо въ домъ. Старый, уютный, повидимому, очень теплый зимою, съ разными закоулочками, чуланчиками и уголками, онъ былъ совершенно пустъ и, судя по запаху, былъ необитаемъ уже давно. Старичокъ — сторожъ всюду почтительно слѣдовалъ за ними.

— Дядя, воскликнула Соня. — Куда ты насъ привелъ?

Дядя улыбнулся и весело отвѣтилъ:

— Къ себѣ!

Соня и Боря съ удивленіемъ взглянули на него.

Онъ взялъ ихъ обоихъ за руки и спросилъ:

— Вамъ нравится здѣсь?

— Да, воскликнула Соня, — въ особенности въ саду!

— Ну, и хорошо. Этотъ домъ, съ этимъ садомъ и дворомъ я только что купилъ для васъ. Мы будемъ здѣсь жить зимой, вы будете ѣздить отсюда въ гимназію и мы

заживемъ на славу. За этимъ-то я и прїѣзжалъ сюда и ѣздилъ въ Москву! Ну, а теперь бѣгите вы оба въ садъ, а я поговорю здѣсь съ Никаноромъ!

Дѣти весело побѣжали въ садъ. Пока дядя разговаривалъ со сторожемъ и отдавалъ ему приказанія, какъ устроить все къ его слѣдующему прїѣзду въ Ярославль, дѣти весело бѣгали по аллеямъ и еще долго раздавались въ нихъ ихъ голоса. И старымъ деревьямъ казалось, что колесо времени повернулось для нихъ назадъ, что къ

нимъ возвратилась прежняя жизнь съ ея старыми и молодыми людьми, которые когда-то жили здѣсь и радовались на ихъ величественную красоту и искали прїюта въ ихъ счастливой тѣни.

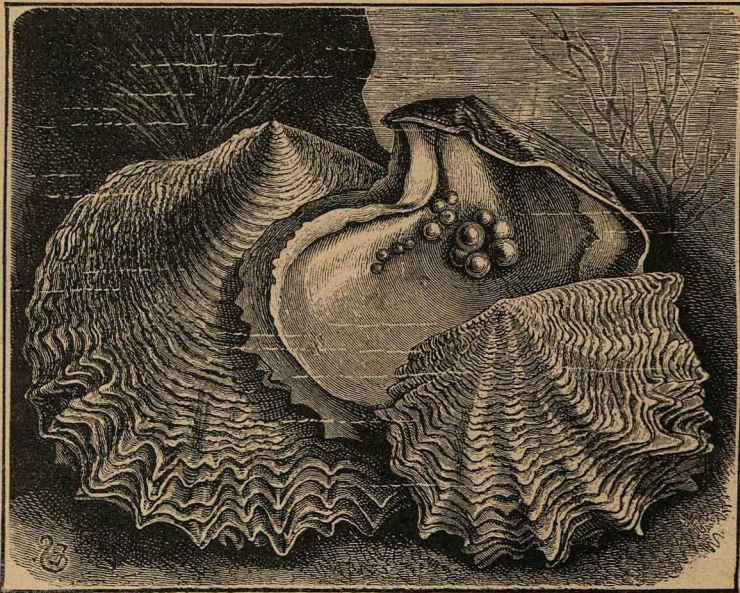
Полчаса спустя, Григорій Петровичъ съ дѣтьми уже возвращался домой. Они вышли на набережную и мимо пристаней прошли ее вдоль до самого бульвара. Здѣсь они сѣли на лавочку и стали смотреть на Волгу. Спускался вечеръ, солнце садилось и длинныя тѣни отъ деревьевъ тянулись поперекъ

бульвара. Собиралась публика. Музыканты - солдаты съ мѣдными трубами прошли къ садику, чтобы начать играть, и солнце ослѣпительно отразилось на ихъ инструментахъ. Пахло пылью и прохладой, поднимавшейся отъ воды.

— А вонъ идетъ Федя Корниловъ, сказалъ вдругъ Боря. — Съ нимъ его мама и сестра.

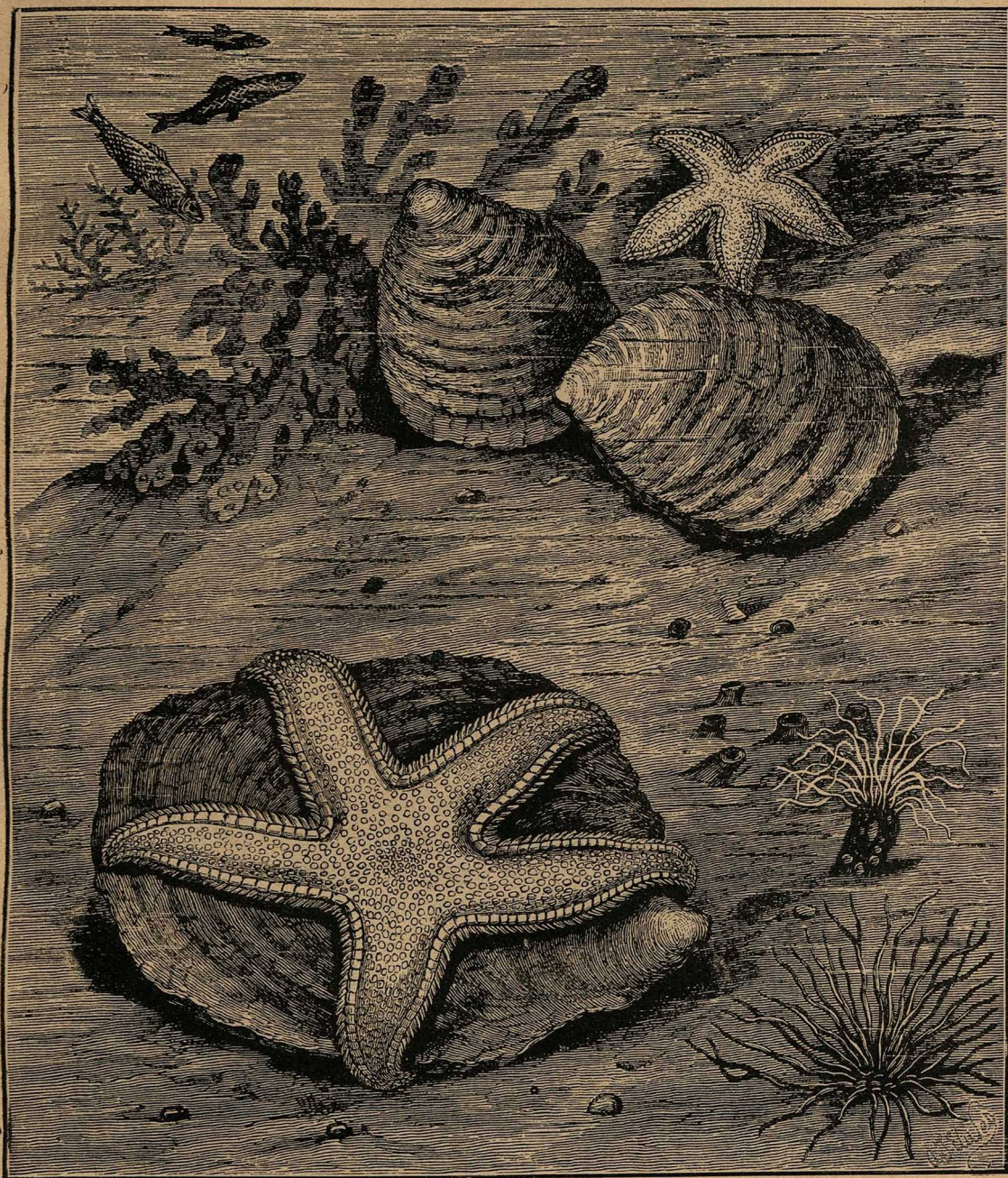
— Гдѣ? гдѣ? — вздрогнула Соня и оглядѣлась по сторонамъ.

— Вонъ - вонъ!

Это — жемчужныя раковины. Одна изъ нихъ открыта и вы видите въ ней зерна жемчуга. Зерна эти образуются въ ней такъ: Когда раковина раскрывается, то по разнымъ причинамъ въ нее попадаютъ вмѣстѣ съ водой песчинки, мельчайшіе кусочки другихъ раковинъ и разныя соринки. Вокругъ этихъ соринкокъ и песчинокъ вскорѣ начинаетъ наростать перламутровое вещество и внутри раковины образуются такимъ образомъ маленькіе сферватыя шарики, отливающіе радужными цвѣтами, которые и составляютъ собою жемчугъ. Жемчужныя раковины водятся въ Индійскомъ и Тихомъ океанахъ, а также и у насъ въ Россіи (въ Архангельской и Олонецкой губ. и въ Финляндіи).

Это — морская звѣзда. Отъ нея часто страдаютъ жемчужныя раковины. На нижней сторонѣ, въ самой серединѣ, — у нея ротъ. Имъ она обсосываетъ слизь съ поверхности раковины и этимъ причиняетъ раковинѣ болѣзнь. Сжавши крѣпко обѣ створки раковины, такъ что онѣ не могутъ уже больше открыться, морская звѣзда выжидаетъ, когда самая устрица внутри ея умретъ отъ голода, и затѣмъ раскрываетъ раковину своими пятью лапами и съѣдаетъ и самую устрицу. Но случается и такъ, что раковина неожиданно открывается, втягиваетъ въ себя лапы морской звѣзды и ущемляетъ ихъ. Тогда морская звѣзда, конечно, погибаетъ.

Видишь — въ розовыхъ платьяхъ?

Соня сорвалась съ мѣста и со всѣхъ ногъ бросилась къ Надеждѣ Сергѣевнѣ на встрѣчу. Завидѣвъ ее, и Валя тоже побѣжала къ ней.

— Здравствуйте! Здравствуйте! посыпались восклицанія съ обѣихъ сторонъ. — Какъ поживаете? Какъ теперь твое здоровье?

Надежда Сергѣевна подошла съ дѣтьми къ Григорію Петровичу.

— Дядя, обратилась къ нему Соня. — Это мама Вали и Теди.

Григорій Петровичъ поднялся съ мѣста и съ глубокой почтительностью поклонился Надеждѣ Сергѣевнѣ. Они заговорили о дѣтяхъ, о дифтеритѣ Вали, о гимназіяхъ и знакомство ихъ, начавшееся такъ просто и безыскусственно, съ первой же минуты подало надежду на то, что будетъ продолжительнымъ и прочнымъ. Какъ это часто бываетъ между хорошими людьми, они сразу же почувствовали другъ къ другу довѣріе и расположеніе; Надежда Сергѣевна усѣлась рядомъ съ Григоріемъ Петровичемъ и пока дѣти бѣгали всѣ вмѣстѣ по бульвару и весело играли, они вели между собой разговоръ.

— А я купилъ здѣсь въ Ярославлѣ домъ, сказалъ Григорій Петровичъ. — Думаю переѣхать въ него съ августа вмѣстѣ съ дѣтьми и жить въ немъ каждый годъ до весны.

И онъ рассказалъ ей, гдѣ и чей

именно домъ онъ купилъ. Надежда Сергѣевна пришла въ восторгъ.

— Вотъ-бы вы и насъ пустили къ себѣ жильцами! сказала она, шутя.

Онъ улыбнулся.

— Ну, что-же? отвѣтилъ онъ. — Милости просимъ! Домъ большой, мѣсто найдется и для васъ!

И вспомнивъ то, о чемъ просила его Соня, онъ немного помялся и сказалъ:—

— А вотъ если-бы вы пожаловали всѣмъ семействомъ къ намъ въ усадьбу на лѣто, то это было бы даже очень хорошо!

Вечеръ совсѣмъ уже спустился, поднималась пыль на спускѣ къ Волгѣ, но на набережной было свѣжо и хорошо. Играла вдалекѣ музыка и взадъ и впередъ ходили гулявшіе. Внизу у самой рѣки, вдоль пристаней, протянулись вереницы извожиковъ и ожидали прибытія пароходовъ. Пахло водою и свѣжей, молодой листвою деревьевъ.

— Ну, мнѣ пора! сказалъ наконецъ Григорій Петровичъ и поднялся съ мѣста.

Онъ и Надежда Сергѣевна направились вмѣстѣ къ бѣгавшимъ дѣтямъ, заставили ихъ проститься между собою, простились сами и разошлись въ разныя стороны.

— Ну, что, дядя? обратилась къ Григорію Петровичу Соня, когда они шли домой. — Ты ничего, не говорилъ имъ объ усадьбѣ?

— Нѣтъ, говорилъ! отвѣтилъ онъ.

— И что-же они?

Дядя какъ-то плутовски улыбнулся и продолжалъ:—

— Надежда Сергѣевна сказала, что приѣдетъ къ намъ на будущей недѣлѣ вмѣстѣ съ Валею и Ѳедей и проживетъ у насъ до конца лѣта.

— Ты это не шутишь?

— Нѣтъ!

Соня поглядѣла ему въ самые глаза, убѣдилась, что онъ дѣйствительно не шутитъ, и тутъ-же, на улицѣ, стала отъ радости прыгать. Боря послѣдовалъ ея примѣру и если-бы мимо нихъ проходилъ въ это время кто-нибудь чужой, то онъ принялъ-бы ихъ за больныхъ.

Возвратившись домой, они стали укладываться и весь вечеръ проболтали о томъ, какъ имъ теперь будетъ весело въ усадьбѣ вчетверомъ и какъ они будутъ теперь бѣгать по парку, по лугамъ, по лѣсамъ и собирать цвѣты и грибы.

На слѣдующее утро они уже стояли на балконѣ парохода и отплыли на Рыбинскъ. Ярославль удалялся отъ нихъ съ каждымъ оборотомъ колеса, и скоро зеленые берега потянулись у нихъ съ обѣихъ сторонъ. Соня стояла у кормы, глядѣла на блиставшія главы церквей и еще долго мелькала ей вдаль платокъ Ѳеди, который стоялъ на пристани, провожалъ ихъ и во все горло кричалъ:—

— До свиданія! Счастливаго пути! Скоро увидимся!

А затѣмъ утонулъ въ туманной дали и онъ.

Вотъ Рыбинскъ, вотъ Молога, а вотъ ужъ и ночь. Соня спускается внизъ, раздѣвается, ложится въ койку и тотчасъ-же засыпаетъ.

— Завтра уже будемъ дома... шепчетъ она въ полуснѣ.

И ей рисуются картины усадьбы. Прасковья, Ольга Ивановна, комнаты и паркъ; она бѣжитъ по парку, ее догоняютъ Ѳеда, Валя и Боря, она хочетъ спрятаться отъ нихъ въ кусты, но туманъ заволакиваетъ ей глаза, все смѣшивается, спутывается и исчезаетъ.

Она спитъ крѣпкимъ сномъ.

— Вставай! Приѣхали! вдругъ раздается около нея голосъ.

Она открываетъ глаза и видитъ передъ собою Бору. Онъ тормозитъ ее, вытаскиваетъ изъ-подъ ея головы подушку, но ей еще хочется спать и глаза закрываются сами собою.

— Вставай-же, засоня! продолжаетъ Боря.— Уже Угличъ! Ты не Соня, а Засоня!

Она поднимается, протираетъ глаза и убѣждается, что пароходъ дѣйствительно стоитъ у пристани. Шестъ часовъ утра, свѣтитъ яркое солнце и съ берега доносится звонъ массы колоколовъ. Надъ головою раздаются тяжелые шаги носильщиковъ, разгружающихъ па-

роходъ и слышно, какъ вода плещется объ его бока.

— Неужели уже Угличъ? удивляется Соня.

Она вскакиваетъ, причесывается, умывается и принимается за укладываніе вещей. Григорій Петровичъ и Иванъ Игнатьевичъ уже на палубѣ и распоряжаются выгрузкой багажа. На берегу стоитъ тройка дядиныхъ лошадей и позвякиваетъ бубенчиками. Кучеръ Данило укладываетъ вещи въ тарантасъ и когда выходитъ изъ парохода Соня, то онъ узнаётъ ее и лицо его ослабляется въ радостную улыбку.

— Здравствуйте, барышня, говоритъ онъ. — Здравствуйте, матушка. Какъ изволили кататься? Здоровы-ли вы?

Въ избыткѣ радости, она про-

— Папа! Папа!

тягиваетъ къ нему губы, но онъ не смѣетъ ее цѣловать, а потомъ рѣшается, вытираетъ рукавомъ губы и усы, снимаетъ шапку съ павлиньими перьями и три раза цѣлуется съ ней такъ, точно они христосуются.

Но вотъ вещи уже уложены, дядя и Иванъ Игнатьичъ садятся въ тарантасъ, Соня помѣщается между ними, а Боря садится на козлы рядомъ съ Данилой и они отправляются въ путь. Вотъ площадь, вотъ монастырь, вотъ кладбище, а вотъ ужъ и городской лѣсъ, который тамъ называютъ „рыжечникомъ“. Они минуютъ этотъ лѣсъ и передъ ними снова открывается знакомая, чисто-русская картина: засѣянные поля, березы, елки, высокія избы съ рѣзными окошками и бѣлоснѣжныя церкви, высоко поднимающія къ небу свои сверкающіе на солнцѣ кресты. Звенить подъ дугой звонокъ, кричать воржи перепела, бренчатъ бубенчики и пахнетъ дегтемъ и кожей отъ тарантаса. Но этотъ запахъ не кажется Сонѣ неприятнымъ. Онъ смѣшивается для нея съ запахомъ травы, листьевъ березы, хвоевъ сосны и пыли и этотъ сложный запахъ кажется ей очаровательнымъ, съ которымъ не могутъ сравниться никакіе драгоценные духи.

— Все благополучно? задаётъ Григорій Петровичъ Данилѣ вопросъ, когда они уже далеко отъѣзжаютъ отъ города.

— Такъ точно, отвѣчаетъ Данила.—Все въ своемъ порядкѣ. На Вознесенье, на прошлой недѣлѣ, батюшка съ крестомъ приѣзжалъ, молебень у насъ въ домѣ служилъ. У Прасковьи зубы болѣли да прошли. Барбоска щенковъ привела... четверо штукъ. Да вотъ когда я вчера выѣхалъ изъ дому васъ встрѣчать, то какой-то баринъ къ намъ въ гости приѣхалъ. Попался навстрѣчу.

— А какой онъ изъ себя? спросилъ Григорій Петровичъ.

— Да какъ сказать? Бороды нѣту, сбрита; а усы есть. Одѣтъ словно-бы въ рясу, а не въ пальто, только ни на попа, ни на дьякона не похожъ.

Всѣ засмѣялись на такое описание, но болѣе не спрашивали Данилу. Григорій Петровичъ предположилъ, что это приѣхалъ къ нему кто-нибудь изъ сосѣдей, и скоро всѣ забыли объ этомъ господинѣ. Соню больше занимали появившіеся въ ея отсутствіе на свѣтъ щенки и она уже мечтала, какъ будетъ ихъ воспитывать и какъ научить ихъ быть почтительными собаками.

Солнце поднимается все выше и выше и становится жарко. Съ большой дороги путники сворачиваютъ вправо и уже по проселку, ныряя въ рытвинахъ и подскакивая на кочкахъ, продолжаютъ свой путь. Летають стрекозы, трещатъ кузнечики и высоко въ небѣ раз-

— Я не отдамъ тебя никому!

даются трели жаворонковъ. Соня сбрасываетъ съ себя назадъ шляпу и обмахивается платкомъ. Боря истомленъ жарою, качается на козлахъ и дремлетъ. Иванъ Игнатъичъ и Григорій Петровичъ переговорили уже обо всемъ и тоже ихъ клонить ко сну. Но спать уже не приходится, такъ какъ черезъ пять—шесть верстъ они приѣдутъ уже домой. Усталыя лошади отмахиваются отъ слѣпней и мухъ и тоже чувтъ, что скоро будетъ домъ и бѣгутъ веселѣе. Данилъ уже надоѣло править, онъ помахиваетъ кнутомъ и то и дѣло вскрикиваетъ:

— Эхъ, вы, милыя! Скоро отдыхать будемъ! Но-о, голуби!

Иванъ Игнатъичъ и Григорій Петровичъ не въ состояніи преодолѣть дремоту и закрываютъ

глаза. Боря держится одною рукою за облучекъ и тоже дремлетъ. Одна только Соня бодрится и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ, когда покажутся изъ-за деревьевъ знакомыя зеленыя крыши дома и службъ и выбѣгутъ на встрѣчу Барбоска, Шарикъ, Вьюнъ и Арапка и, не разобравши, что ѣдутъ свои-же, начнутъ громко лаять.

Соня смотритъ впередъ и по бокамъ дороги и чувствуетъ, какъ отъ нетерпѣнія начинаетъ стучать ея сердце. Вотъ мостикъ. Сейчасъ за этимъ мостикомъ еловый лѣсокъ, а за нимъ уже и усадьба. Тарантасъ съ громомъ переѣзжаетъ черезъ этотъ мостикъ, минуетъ лѣсокъ и вотъ передъ Соней открывается вся усадьба, какъ на ладони. Заслышавъ звонки, изъ нея выбѣжали всѣ дворовые. Вотъ пастушонокъ Нилка машетъ имъ картузомъ, вотъ стоитъ Прасковья, а вонъ - вонъ, съ палочкой въ рукахъ, идетъ Ольга Ивановна. Но кто-же это чужой? Онъ не идетъ, а чуть не бѣжитъ къ нимъ на встрѣчу, онъ снялъ съ себя шляпу и машетъ ею такъ, точно хочетъ обратить на себя вниманіе. Соня прикладываетъ къ глазамъ ладонь, всматривается въ него и что-то подсказываетъ ей, что она съ нимъ знакома. На немъ сѣрая, триковая крылатка, похожая на рясу, у него нѣтъ бороды. Теперь ужъ онъ къ нимъ бѣжитъ навстрѣчу бѣгомъ и Сонѣ кажется это страннымъ. Она

поднимается на ноги и, взявшись за поясъ Данилы рукою, старается разглядѣть незнакомаго господина. А затѣмъ она вдругъ взвизгиваетъ, хватается за сердце, слезы брызгаются у нея изъ глазъ и она соскакиваетъ съ тарантаса на бѣгу и со всѣхъ ногъ мчится къ господину.

— Папа! папа! кричитъ она и чувствуетъ, что силы оставляютъ ее и что вотъ - вотъ она упадетъ. — Папочка! Дорогой!

Онъ подбѣгаетъ къ ней, хватается ее, прижимаетъ ее къ себѣ, она виснетъ у него на шеѣ и оба начинаютъ отъ радости плакать.

— Сонечка, Соня! говоритъ господинъ. — Дорогая моя дочурка! Сколько лѣтъ, сколько зимъ!

Подѣзжаетъ тарантасъ и изъ него вылѣзаютъ Григорій Петровичъ и Иванъ Ѳгнатъичъ. Увидѣвъ трогательную сцену свиданія дочери съ отцомъ, они останавливаются и не знаютъ, что имъ дѣлать. Затѣмъ братья бросаются другъ къ другу на шею и все общество ужъ пѣшкомъ отправляется потомъ къ усадьбѣ.

— Откуда? Когда? Почему ты не извѣстилъ меня о своемъ пріѣздѣ? задаетъ брату Григорій Петровичъ вопросъ. — Какъ-же ты измѣнился, Андрей!

А Андрей Петровичъ смотритъ то на него, то на дочь, и не знаетъ отъ волненія, что отвѣчать.

Приходятъ домой. Усадьба, паркъ, Прасковья, щенятки, жаворонки, куры и соловьи все это уже блѣднѣетъ теперь передъ Соней и теряетъ свой интересъ. Она выжидаетъ, когда всѣ входятъ въ ком-

наты и когда ея отецъ садится на диванъ, бросается къ нему на колѣни, обхватываетъ его шею руками и говоритъ:

— Теперь я не отдамъ тебя никому!

—скій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Въ какую клѣтку нельзя посадить птичку?

II.

Какая раковина не живетъ въ водѣ?

III.

Какой лопаткой нельзя копать землю?

(Предложилъ Андрюша Федотовъ-донской казачокъ).

IV.

Когда на балъ дачникъ ходитъ?

V.

На берегу, у дерева, стоялъ гусь. Шла мимо лисица. Увидѣвъ гуся, она сказала ему:— „Какъ всѣ вы гуси глупы“! Гусь обидѣлся и ушелъ.

Отчего онъ ушелъ?

VI.

На берегу небольшого ручья игралъ мальчикъ Костя. Съ дру-

гой стороны ручья подошла къ нему его сестра Лиза и сказала ему:

— Я принесла пирожокъ изъ дома. Хочешь я тебя имъ угощу?

— Хочу, отвѣтилъ Костя.

— Такъ прыгай ко мнѣ черезъ ручей!

Костя разбѣжался и перепрыгнулъ.

Почему онъ перепрыгнулъ?

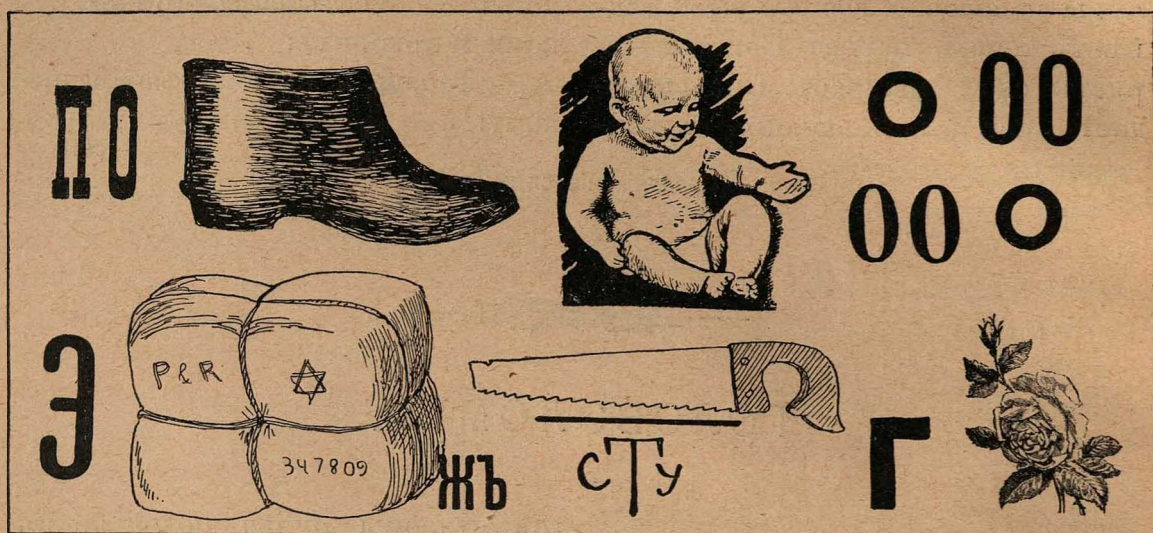
VII.

Задумано слово, состоящее изъ десяти буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. Буквы 1. 5. 7. 10. означаютъ мѣру вѣса, 3. 2. 4. 5. 6. 7. 10—починку желѣзнодорожнаго полотна и квартиръ, 4. 8. 1. 5. 7. 10—плотничій и кузнечный инструментъ, 1. 5. 7. 8—игру, 5. 3. 2. 1. 10—царя птицъ, 9. 8. 3. 5. 6. 10—хищную птицу, 1. 2. 9. 10—царя звѣрей 7. 2. 3. 2. 4. 10—древне-русское жилище. Отгадать эти слова и задуманное слово, которое означаетъ фамилію русскаго писателя.

(Предложила Женя Стрекоза).

РЕБУСЪ № 5.

(Фамиліи подписчиковъ, приславшихъ вѣрныя рѣшенія ребуса и головоломокъ или даже хотя-бы одной изъ нихъ, будутъ напечатаны).

Рѣшеніе головоломокъ, помѣщенныхъ въ № 5 „Золотого Дѣтства“.

I. Го-лова, Ло-шадь, Во-ронъ, Лом-бардъ, Ка-раванъ = Головоломка.

II. Со-коль, Голо-ва = Сова.

III. . . . окна, . . . тру + ба (труба), . . . кры + ша (крыша), . . . стѣ + ны (стѣны), . . . стро + пила (стропила), потолокъ, полъ, . . . сѣ + ни (сѣни), . . . пе + чи (печи).

Вѣрныя рѣшенія прислали: Коля Игнатьевъ изъ Рославля, Сережа Тушканчикъ, Женя Стрекова, Василий Фроловъ, Костя Ключинскій, Пети

Ревуновъ, Яша Шабать, Женя Цѣшковскій со ст. Урмары М.-К. ж. д., Самочка Мышкинъ, Надя Иванова, Валя Игнатьева, Лена и Муся Крюгеръ въ СПб., Андрюша Федотовъ-донской казачокъ изъ Щучина, Викторъ и Валентина Риффесталь, Оленька Виноградова, Жоржикъ Сухарскій, Коля и Галя Дыховы изъ Пултуска, Леша Мамакинъ, Надя Живарева, А. Г. Ф. изъ Лонцка, Владиміръ Теремецкій, Зина Сапожкова изъ Каменца-Подольска, Лева Вѣляевскій въ СПб., Анна Судовская изъ Воронежа, Костя Гришинъ, Коля Неподаевъ, Соня Ломакина, Надя Веселовская, Константинъ Голосовъ, Вѣрочка Натальинская, Марина Алексѣева, Гриша Алябевъ, Вася Блиновъ, Надя Новоселова, Лидочка Самойлова, Настя и Гриша Мурзини, Нечочка Власьева, Костя Афанасьевъ, Ника Куликовъ, Валя Добрякова, Леша Корнѣевъ, Юрочка Ракитинъ, Оленька Разсадина.

Годъ изданія четвертый.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1911 годъ
НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ
„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ)

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарады и проч. и проч.

12 вырѣзныхъ выкроекъ для дѣтскихъ костюмовъ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

При каждомъ номерѣ приложенія: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ: книга «Въ тепломъ гнѣздышкѣ»—сборникъ рассказовъ для дѣтей съ рисунками.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровскій проспектъ, 22, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга и во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ Россійской Имперіи.

3 р. 80 к.

За перемѣну адреса—28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. Чеховъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО» за истекшій годъ со всѣми приложеніями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по 3 р. 65 к. за экз.; безъ переплета—по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію. Отдѣльно крышки для переплета—по 45 копѣекъ (съ пересылкою по 65 коп.).

МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ ИЗЪ РЕДАКЦІИ „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

С.-Петербургъ, Каменноостровскій просп., 22.

Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ Петербурга.

